
Люба Макаревская

Глаза

Рассказ

А он мне сказал:

— Даже у серийных убийц есть друзья, которые их навещают. Seriously, даже у них.

Я смотрю на него в полутьме, и мне становится стыдно при мысли о человеке, которого мы обсуждаем. У говорящего со мной трехцветные глаза, похожие на озера в северных странах, как и у одного героя моего очень старого текста, и я думаю, что все, о ком мы пишем, приходят потом к нам как живые свидетели того, как далеко мы зашли когда-то. Мы идем, и осенняя улица выгибается перед нами дугой, слезой и потом, вирусом или его предчувствием в густо лежащей горькой листве. Возможно, то, что тот, о ком мы говорим, пребывает в темноводье конвенционального гнева других, связывает нас дополнительно, причем связывает всех троих самым неудобным образом. Нити не реализованного между ними влечения опутывают и меня, и нити того, кто стал фигурой отсутствия, когда-то умел направить мой аффект в русло созидания. И я вспоминаю лето, бессонную душную ночь, когда по неизвестной причине я читала статьи о Тедде Банди, и в одной из них говорилось о его вкрадчивом голосе, о том, как он умел воздействовать им на своих жертв, и тогда я подумала, что у того, кто теперь отсутствует, тоже вкрадчивый голос, и я вспомнила, что этим голосом он раньше умел хорошо успокаивать меня, и на второй день рассказала о двух голосах другому участнику этой истории, заключенной в отсутствие. И он ответил мне, растворяя солнце холодным течением глаз:

— Возможно, и наш друг таков, мы никогда не узнаем.

И правда, мы никогда не узнаем, потенциальные мы убийцы или мы только ненасытны в своем желании видеть. Но становясь свидетелями чего-либо, не становимся ли мы автоматически и соучастниками?

И я снова стала вспоминать, как с отсутствующим теперь мы рассматривали толпу молодежи в конце очередного бессмысленного городского фестиваля, и он наклонился ко мне и сказал:

— Какие они все хорошенькие, я бы трахнул их всех.

И я ответила ему:

— Ты хочешь обладать всем, что видишь?

Люба Макаревская — поэт, прозаик. Родилась в 1986 году в Москве. Стихи и проза публиковались в журналах «Волга», «Зеркало», «Новое литературное обозрение» и др. Автор книги стихов «Любовь» (серия «Поколение») издательства «Арго-Риск».

Уже не помню его реакции, но помню это свое постоянное навязчивое желание обладать всем, что вижу я. Была ли я сама когда-либо лучше своего отсутствующего теперь друга или, например Теда Банди, или я всегда была только невинной в своей жадности, как героиня Саган, говорящая, что красота, которая ей не принадлежит, всегда причиняет ей боль? Я не могу ответить на этот вопрос, но мои глаза всегда ненасытны и всегда жаждут поглощать, возможно, у меня просто доминирует зрительный вектор, но всегда, когда я тосковала о ком-то, я чувствовала эту тоску как боль внутри своих глаз.

В кафе, где мы часто сидели тем летом, а теперь заботливо разрушенном городом и обстоятельствами, мы постоянно смотрели на проходящих девушек, и я смотрела едва ли не больше него, и до сих пор помню изгибы колен и цвета их юбок. И его глаза тогда иногда заволакивала почти черная тьма, и мы смотрели на эти цветные вереницы, плавающие очевидность и ненасытность нашего зрения. Смотрели как люди, уставшие отрицать собственную болезненную жадность обладать другими.

История, связывающая меня бережными нитями темноты с ее участниками, отступила от меня в конце августа все из той же ненасытности моего зрения.

Наверно, мне хотелось тогда, в августе, сыграть в нормальность, или я просто отдалась волнам очередного аффекта с решимостью бывалого человека, я не знаю, видимо, оттого, что все решения за меня всегда принимает мое зрение. Тогда оно вспыхнуло, как обожженное, а к вечеру исчезло, словно от сильного удара или химических веществ. Я подумала, проваливаясь в перламутровую пелену незрения о том, с кем познакомилась, что он похож на мальчика, который заставлял меня смеяться в восьмом классе, на большого щенка и сибирского котенка одновременно, его манера при улыбке чуть оттягивать нижнюю губу в правую сторону отзывалась судорогой в глубине моих зрачков, пораженных и измученных солнцем в тот день.

Нечто мучительное установилось во мне после того знакомства, приводящее к потере зрения, к превращению зрения в галлюциногенную пленку. На следующий день я пошла в косметический магазин, я перемерила пятнадцать помад с мыслью, какой именно цвет мог бы понравиться ему, отражаясь в большом зеркале; мое зрение все еще не восстановилось, я видела саму себя сквозь все ту же полувцветную пленку, и я снова чувствовала себя подростком, и мне хотелось отодвинуть знание о тьме моих друзей и моей собственной тьме, которая делала меня равной им и равной многим другим, и мне хотелось уйти от этого равенства и знания любым доступным путем, и я знала, что дорого заплачу за эту иллюзию, как всегда приходится платить болью за пребывание внутри этого светящегося, искрящегося невозможностью определенных событий, и мне казалось, что мои знания о тьме уходят из меня, как темная жидкость, как больная кровь выходит из нарыва при его иссечении.

Но я снова скатывалась в запредельные состояния, отгородив себя от всех, словно от нежелательного опыта, если я знала, что не смогу в течение недели увидеть объект своей любви, я начинала бессильно и жалко плакать, как плакала в начальной школе после первого урока при мысли об оставшихся четырех. Мои глаза переживали что-то наподобие наркотической ломки, и я абсолютно ничем не могла успокоить свое зрение. И никто не смог бы. Мне хотелось кристаллизировать это страдание, использовать его для входа в нечто новое, словно внутри меня рос светящийся цветок, способный осветить рамки репрессивного строя и тонкие нити темноты в глубинах моего сознания. Но мои сны оставались снами человека, одержимого разрушением. Мне снился поцелуй, как медленно он превращается в поток крови, в огонь. Во сне я видела, как белокожий мужчина целует такую же бледную женщину и их поцелуй полон крови, и ее зубы ласкают его прокушенный язык, и боль похожа на варенье и обволакивает обоих, а потом я видела огонь — как он мчится на них, стирая их лица, превращая их в единое, в статую, в пепел. Уже утром я вспомнила, что в детстве меня терзало два противоположных желания: мне очень хотелось быть и Жанной д'Арк,

и Марией-Антуанеттой. Это продолжалось довольно долго: лет с девяти и где-то до четырнадцати мне периодически снились то огонь, то гильотина. И в снах постоянно менялась моя шея, она то становилась длинной и белой, как фарфор, и тогда меня настигало мрачное ощущение скорого конца, то, наоборот, меня охватывала ярость предчувствия и казалось, что огонь распускается прямо под моими ногтями и только потом лижет мои ноги и стирает лицо. И я боялась своего зрения во сне, зная, что неизбежно должна буду увидеть обугленное тело, бывшее моим, и весь сон я прячу глаза, чтобы избежать этой встречи, как прячут руки от огня, боясь встречи с болью.

А через два дня, будучи ненадолго извлеченными из репрессивных механизмов, мы все же пошли на прогулку с тем, кто ранил мое зрение. Давно знакомые улицы вспыхивали под потоками солнца, и я видела, как лучи отражаются в его глазах. И его способность смеяться и моя неспособность к радости. Мы обсуждали клипы 90-х, и мне все время было жаль, что у меня недостаточно детское лицо — не настолько детское, чтобы он смог влюбиться в меня. И еще лифт, идущий вверх, внутри бывшего дома одного радикального писателя, и трепыхание света, словно крыльев больного мотылька, и короткое замыкание в преломлении этого света, важное только для меня.

Очевидность того, что нам незачем больше видеться, как людям, собранным из совсем разных неврозов, и недолгая боль, которая потом еще несколько часов тянулась внутри моих мягких тканей, и на следующий последний теплый день.

И раскрытие привычной мне тьмы, и поиск в ее глубине ответов на одни те же вопросы.

Если представить себе, что все тени сходятся в одной точке, будет ли эта точка только невозможностью любой правды? И не хочу ли я в конце концов, чтобы огонь стер мою жадность вместе с ненасытностью моего зрения? И я снова, лежа в кровати, закрываю глаза и заключаю во тьму мир и храню в себе глаза, кожу и мимику других — всех тех, с кем я была связана последние месяцы, и я наконец исчезаю. Мое зрение становится больше меня самой, оно зачеркивает меня, словно морская волна в преддверии то ли ядерной войны, то ли вечной русской зимы, что для сознания почти всегда одно и то же.